

АФРИКА: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ И ЭТНОРАСОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Д.М. БОНДАРЕНКО
Доктор исторических наук

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ТАНЗАНИЙСКИХ И ЗАМБИЙСКИХ СТУДЕНТОВ К СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ ЕВРОПЕЙСКОГО И ЮЖНОАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: Танзания, Замбия, толерантность, нация, студенчество, диаспора

В статье излагаются и анализируются результаты недавнего исследования, проведенного среди студентов в Танзании и Замбии - соседних африканских государствах, в прошлом - владениях Великобритании. В обеих странах подавляющее большинство населения (более 99%) составляют представители многочисленных автохтонных этносов, а меньшинство - лица неафриканского происхождения, чьи общины, однако, весьма заметны в экономической и общественной жизни.

Основной целью работы является изучение отношения наиболее образованной, а потому социально перспективной части молодежи - университетского студенчества Танзании и Замбии - к тем неафриканским меньшинствам, которые сформировались во времена колониализма и благодаря ему: к «европейцам» и «индийцам»¹.

Несмотря на то, что «европейцы» могут быть англичанами, греками, сербами и т.д., а «индийцы» - людьми различной этнической, религиозной, кастовой принадлежности, выходцами не только из современной Республики Индия, но и из Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, африканцы, как правило, воспринимают их именно как «европейцев» и «индийцев», т.е. игнорируя внутреннюю неоднородность этих общин.

Подъем национального самосознания - не менее необходимое условие сложения нации, гражданского общества, чем экономический прогресс или наличие политических свобод, и в постколониальной Африке образованная молодежь играет в этом процессе ведущую роль. Проблема же, на которой сосредоточено наше внимание в данном исследовании, заключается в поиске ответа на вопрос: видят ли и хотят ли видеть студенты своих соотечественников с совершенно иными этнокультурными характеристиками

и историей, со специфическим положением в современном обществе частью танзанийской и замбийской наций? В этой связи представляется необходимым проанализировать не только воздействие на взгляды студентов положения этнорасовых меньшинств в современном обществе, но и то, как коллективная память о доколониальном и колониальном прошлом, его образ в сознании молодых людей, родившихся и выросших уже в независимых государствах, влияет на их отношение к диаспорам, которые не сформировались бы, не будь колониализма².

В ходе исследования под руководством автора было проведено анкетирование студентов различных факультетов крупнейших, безусловно лучших и самых престижных вузов двух стран - танзанийского Университета Дар-эс-Салама (167 человек) и Университета Замбии в Лусаке (146 респондентов). Кроме того, были взяты формализованные интервью у преподавателей университетов, активистов студенческих организаций, недавних выпускников и т.п. - 21 в Дар-эс-Саламе и 15 в Лусаке. Наконец, использовались некоторые данные и результаты исследований культурных стереотипов и межкультурных отношений в различных социальных средах, проведенных в Танзании в 2000-е гг. также под руководством автора статьи.

«ЕВРОПЕЙЦЫ» И «ИНДИЙЦЫ» ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Необходимо сразу же отметить, что в целом отношение как танзанийских, так и замбийских студентов к их европейским и южноазиатским соотечественникам можно охарактеризовать как толерантное. Однако также очевидно, что некоторые из них не воспринимают меньшинства как сообщества людей, которые, несмотря на культурные различия, разделяют с ними национальные ценности и живут во благо той же страны.

Среди танзанийских студентов, заявивших о своем негативном отношении к европейцам, - 4,1%, к индийцам - 13,5%; среди их замбийских коллег - соответственно 0,7 и 3,5%. Исследования показали, что, с одной стороны, отношение студентов к двум общинам не вполне одинаково (оно лучше к европейцам, чем к индийцам в обоих случаях), с другой, - мнение о каждой из общин позитивнее среди замбийских студентов.

Нам уже доводилось рассматривать на примере танзанийцев, принадлежавших к самым разным социальным слоям, вопрос о том, почему африканцы относятся к европейцам лучше, чем к индийцам, придавая особое значение этнокультурным факторам³. На основе многочисленных интервью с людьми различного происхождения и социального положения нами было показано, что в глазах африканцев европейцы имеют заведомо высокий, престижный статус, символизируя материальные, а для некоторых - и интеллектуальные, духовные, социальные ценности современного мира.

Например, священник Гречес-

Улица Кисуту - центр общественной жизни индийцев Дар-эс-Салама.

кой православной церкви рассказывал: «Если европеец едет в деревню, общение с местными жителями не станет для него проблемой: они будут приглашать его в свои дома, прикасаться к его рукам. Для них европейцы - это те, кто имеет деньги, и общение с европейцами доставляет им удовольствие. В городе же ситуация иная. Здесь они (африканцы. - Д.Б.) пытаются использовать вас (европейца. - Д.Б.) - ваши связи, деньги. Они просят вас помочь переехать в Европу, найти белую жену, они хотят вести с вами бизнес». По словам индийского респондента, «африканцы относятся к европейцам гораздо лучше, чем к арабам и индийцам. Они хотели бы, чтобы их видели в компании европейцев: это престижно». Другой индиец утверждал: «Вазунгу («европейцы» на языке суахили. - Д.Б.) не испытывают на себе того расизма, который испытываю я. Почему-то местные очень уважают вазунгу. Или они боятся их?» Жалобы на то, что к европейцам африканцы относятся гораздо лучше, чем к индийцам, - постоянный лейтмотив в ответах последних на просьбу сравнить положение двух общин.

К тому же в Африке индийцы (как и арабы) представляют собой преимущественно торговое меньшинство, а такие общины,

как свидетельствует всемирная история, редко где и когда пользовались симпатией основной части населения⁴. Как сказала нам респондент-индианка, «конечно, существует некоторое напряжение (между афро- и индотанзанийцами. - Д.Б.), т.к., несомненно, [афро]танзанийцы должны испытывать к индийцам чувства, в чем-то схожие с теми, которые индийцы испытывали к англичанам, когда они пришли в Индию и прибрали к рукам весь бизнес.

Поскольку индийцы преуспевают, за пределами Индии их часто не любят. В частности, хотя в Танзании индийцы живут очень долго и внесли большой вклад в ее развитие в различных облас-

тях, они все равно страдают от неприятия африканцами. И отношение, которое существует у танзанийцев к индийцам, было бы точно таким же в любой другой стране, независимо от того, кто был бы на месте индийцев и африканцев». Другая индианка добавляет: «Они (африканцы. - Д.Б.) уверены, что индийский бизнесмен пойдет на любой нечестный поступок ради своих двух пенсов. ... Видите ли, индийцы пришли сюда и сколотили большие состояния, потому что они использовали возможности, которые другие - танзанийцы... - в силу каких-то причин... не смогли. Но ясно, что у индийцев есть деньги. Деньги воздвигают барьер (между богатыми и бедными. - Д.Б.) и заставляют (богатых. - Д.Б.) чувствовать свое превосходство. Я знаю многих (индийцев. - Д.Б.), которые попросту презирают их (афротанзанийцев. - Д.Б.) за то, что они африканцы».

Наконец, многие респонденты открыто заявляли, что европейцы лучше индийцев (и арабов), потому что, как они уверяли, в отличие от азиатов, европейцы не проявляют снобизма, открыты для общения и готовы помогать африканцам: так они осмыслиют культурную специфику двух диаспор, в частности, традиционную замкнутость индийской общины

Члены индийской общины Дар-эс-Салама.

и относительную открытость европейской⁵.

Вот некоторые из многих типичных высказываний наших собеседников на сей счет. Малообразованный танзаниец обозначил эту разницу просто, но четко: «Арабы и индийцы не любят делиться. Они не любят жить вместе с остальными и вступать в брак с другими. ... Единственные, кто делятся, это африканцы и европейцы. Да, европейцы любят делиться, потому что они помогают нам». Студентка Университета Дар-эс-Салама сказала о соотечественниках-индийцах: «Они грубые, они не относятся к танзанийцам хорошо. Они относятся к тебе хорошо, только если ты начальник или можешь помочь им. Они настолько себе на уме! Они смотрят на танзанийцев сверху вниз, они плохо относятся к людям, работающим на них». О европейцах же, сравнивая их с индийцами, эта девушка отозвалась так: «Большинство из них - хорошие люди. У них нет такого плохого отношения (к африканцам. - Д.Б.), или они его не показывают. Они проявляют интерес к коренным жителям». Пожилой профессор также сравнил меньшинства: «Европейцы ощущают, что живут в чужих краях, но они стараются интегрироваться и жить жизнью коренного населения. С арабами также нетрудно общаться: они живут, как африканцы, вступают в брак (с коренными жителями. - Д.Б.) и заводят детей; они легко вливаются в наше общество, с ними нет проблем. Индийцы же ведут себя иначе: они живут обособленно в отдельных городских районах, следуют только своим традициям и не интегрируются в африканское общество... Африканцы не любят их, потому что они выделяются из толпы». «Индийцы не участвуют в строительстве нации», - резюмировала директор Национальной библиотеки Танзании.

Разумеется, разные люди высказывают разные, порой - прямо противоположные мнения. Например, вопреки только что приведенному взгляду, молодая танзанийка-врач сказала: «Я думаю, что индийцы... - благо для общества, потому что есть вещи, сделать которые без них было бы за-

труднительно... У многих индийцев есть деньги, поэтому они ведут крупный бизнес, который помогает стране».

Тем не менее, сам набор черт, позитивных и негативных, приписываемых европейцам и индийцам в двух странах, схож. Так, в замбийских интервью местные европейцы характеризуются как «бескультурные», «бессердечные», «гордые», «деловые», «дискриминирующие», «дружелюбные», «законопослушные», «закрытые», «подчиняющие», «понимающие», «прогрессивные», «сегрегирующие», «созидающие», «состоятельные», «трудолюбивые», «умные», «уживчивые», «хорошие», «щедрые», «эгоистичные», «эксплуатирующие»; выходцы же из Южной Азии описываются как «бессердечные», «богатые», «деловые» (очень частая характеристика), «дружелюбные», «закрытые», «корпоративные», «надменные», «неискренние», «необщительные», «подлые», «полезные», «расисты», «скупые» (еще одна частая характеристика), «толерантные», «торгаши», «трудолюбивые», «хорошие», «эксплуатирующие».

Нетрудно заметить, что многие черты, как положительные, так и отрицательные, приписываются обоим меньшинствам. В то же время индийцам приписывается больше негативных свойств, они упомянуты большим числом респондентов, и, что особенно важно, такие позитивные характеристики, символизирующие базовые ценности современного мира, как «законопослушные», «умные», «прогрессивные», «созидающие», встречаются только в связи с европейцами. В общем и целом, есть основания утверждать, что в глазах африканцев европейцы выглядят лучше индийцев.

Такое отношение к индийской диаспоре, с естественными вариациями, типично для всех стран Африки, в которых проживают достаточно большие индийские общины⁶; некоторые факторы, специфические для Замбии в

«Тяга к знаниям». Скульптурная композиция на кампусе Университета Дар-эс-Салама.

сравнении с Танзанией, будут отмечены ниже. Основная же цель данной статьи - предложить объяснение факту, насколько известно автору, ранее не выявлявшемуся: большей этнорасовой и социокультурной толерантности замбийских студентов по сравнению с танзанийскими, что проявилось в их лучшем отношении и к европейцам, и к южноазиатам.

Разумеется, помимо общего вопроса об отношении к меньшинствам, нами задавались и вопросы более конкретные. В частности, направленные на выяснение мнения респондентов о культурах двух диаспор. Анализ ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к культуре танзанийских (замбийских) европейцев?» приводит к тому же выводу, что и анализ ответов на общий вопрос: наиболее образованные и культурно развитые молодые замбийцы воспринимают культуру соотечественников-европейцев позитивнее своих танзанийских коллег (2,2% против 9% негативных оценок, 80,4% против 55,8% позитивных). Лучше, чем танзанийцы, относятся замбийцы и к культуре индийцев (34,1 и 66,2% положительных отзывов соответственно), притом, что в обеих странах отношение к европей-

ской культуре толерантнее, чем к индийской.

Можно предположить, что в наибольшей мере подлинное отношение респондентов к этнорасовым меньшинствам проявилось в их ответах на сугубо личный вопрос: «Как бы Вы отреагировали на вступление Вашего ребенка в брак с танзанийским (замбийским) европейцем или индийцем?». В данный момент этот вопрос не актуален для наших респондентов в силу их молодости, однако полученные ответы все равно могут считаться симптоматичными. Вполне предсказуемо, что большинство респондентов в обеих странах желало бы видеть своих будущих детей состоящими в браках с людьми африканского происхождения. В то же время часть их не исключает и браков с европейцами или индийцами.

Примечательно, что по поводу возможности браков с европейцами данные по обеим выборкам очень схожи: среди танзанийцев против 6,9%, за - 43,1%, «зависит от конкретного человека» (в действительности, именно этот ответ - самый разумный и толерантный) - 50%; среди замбийцев, соответственно, 5,8%, 43,9% и 50,4%. В то же время следует обратить внимание и на то, что число негативных ответов на этот вопрос превышает число нетолерантных ответов на общий вопрос об отношении к европейцам: 4,1% среди танзанийцев и всего лишь 0,7% среди замбийцев. Очевидно, причина этого - в распространенной и среди африканцев, и среди европейцев уверенности в том, что, хотя «другие» отнюдь не плохи, даже хороши, «они» и «мы» все же слишком разные, чтобы быть счастливыми в смешанном браке (по сути, упомянутое выше предпочтение браков с людьми своего происхождения - обратная сторона той же медали).

По поводу же перспективы браков с индийцами между ответами замбийских и танзанийских студентов, напротив, обнаруживается довольно существенная разница: среди первых, относящихся к ней положительно, - больше (34,3 против 31,3%), а отрицательно - меньше (16,8 против 21,5%). Впечатляюща и разница в

ответах в пользу европейцев, прослеживающаяся в обеих выборках: разрыв между негативными ответами на вопросы о браках с индийцами и отношении к ним гораздо больше, чем в аналогичной ситуации в связи с европейцами (21,5% против 13,5% для танзанийцев и 16,8% против 3,5% для замбийцев). Этот разрыв достаточно велик, чтобы заставить нас предположить, что реакция респондентов на вопрос о перспективах браков их детей с индийцами, будучи столь эмоциональной, отражает действительно лучшее отношение африканцев к европейцам, чем к индийцам. При этом отметим, что среди замбийских студентов процент возражающих против таких браков ниже, а тех, кто за них, выше, чем среди студентов Университета Дар-эс-Салама.

Еще один личный вопрос в анкете касался наличия у респондентов друзей разного происхождения, в том числе европейцев и южноазиатов. Картина, вырисовывающаяся при анализе ответов на него, парадоксальна: в то время как все данные, рассмотренные выше, говорили о лучшем отношении к этнорасовым меньшинствам замбийцев, танзанийцы чаще утверждают, что имеют друзей среди европейцев и индийцев (при этом и у замбийских, и у танзанийских студентов больше друзей среди первых, чем среди вторых). Рассуждая логически, следует полагать, что если данные верны, то, с одной стороны, существует несоответствие между отношениями африканцев с реальными представителями диаспор и их обобщенным видением последних, а с другой, что в Танзании общины мигрантов лучше интегрированы в автохтонную социокультурную среду.

Но согласились ли бы с последним предположением сами дар-эс-саламские и лусакие студенты? Нет: именно среди танзанийских студентов больше тех, кто охарактеризовал европейцев и индийцев как плохо интегрированных в местное общество. Автор вынужден признать, что в данный момент не в состоянии предложить четкое правдоподобное объяснение этих данных; он может только предполо-

жить, что танзанийские респонденты менее ответственно отнеслись к понятию «друг». В то же время отметим, что больше респондентов (примерно на 10% в каждой из стран) считает хорошо интегрированными европейцев, а не индийцев. К этому также можно добавить, что, хотя среди членов иммигрантских общин были респонденты, в ходе интервью признававшиеся, что не воспринимают в полной мере Танзанию или Замбию как родную страну, в целом этнорасовые меньшинства оценивают степень своей интегрированности в местный социум выше, чем представители большинства, включая студентов вузов⁷.

Показательно сравнение мнений студентов о степени интегрированности давно сложившихся инорасовых общин и недавних мигрантов из других африканских государств (Бурунди, ДРК, Малави, Руанды и т.д.). По утверждению многих наших респондентов, мигранты-африканцы создают или способствуют обострению серьезнейших социальных проблем: безработицы, преступности и т.д. Однако, явно игнорируя и это обстоятельство, и, что особенно важно, давность пребывания в их странах европейцев и южноазиатов, но, основываясь на большей социокультурной близости мигрантов-африканцев, студенты-замбийцы посчитали последних и представителей инорасовых диаспор интегрированными в местное общество практически в равной мере, а танзанийцы даже отдали предпочтение выходцам из соседних стран.

Наконец, что думают наши респонденты о национальной культуре: можно ли вести речь о «танзанийской культуре» и «замбийской культуре», разделяемых всеми гражданами соответствующих стран, включая европейское и южноазиатское меньшинства? С таким взглядом оказались согласны 34,8% танзанийских студентов и 21,3% замбийских; 20,3% и 19,9% респондентов в соответствующих странах полагают, что единые танзанийская и замбийская культуры существуют, но включают в себя только элементы культур автохтонных народов; 44,9% и 58,9% уверены, что еди-

ных культур в Танзании и Замбии не сложилось, что они - не более, чем конгломераты отдельных этнических культур.

С точки зрения интересующих нас аспектов проблемы, картина вновь может показаться парадоксальной: хотя, как отмечалось выше, на личном уровне замбийские студенты относятся к мигрантам и их потомкам лучше, чем танзанийские (но имеют меньше друзей среди них), чаще считают их хорошо интегрированными в местный социум, они также более склонны видеть в представителях неафриканских меньшинств людей заведомо иных, даже чуждых культур. Однако важно отметить, что более высокий процент положительных ответов на вопрос о существовании единой национальной культуры среди танзанийских респондентов - отражение меньшего процента среди них тех, кто считает, что в стране существуют лишь отдельные этнические культуры, а не процента выбравших наименее благоприятный для неафриканских меньшинств вариант ответа, согласно которому их культуры противостоят единым культурам автохтонных народов. Иначе говоря, включение или не включение неафриканских мигрантов в танзанийскую или замбийскую нацию определяется факторами более общими, нежели связанные непосредственно с взаимодействием и взаимовосприятием африканских и неафриканских по происхождению граждан двух государств.

Среди танзанийцев гораздо меньше тех, кто полагает, что в стране не существует культуры, объединяющей даже автохтонные этносы, т.е. отрицает существование национальной культуры в каком бы то ни было виде. На этом фоне ситуация с европейской и южноазиатской диаспорами может обоснованно рассматриваться как особый случай более общей проблемы: формирования наций как надэтнических гражданских сообществ, основанных на единой культуре, прежде всего - разделяемой согражданами системе ценностей и национальной мифологии.

Из сказанного выше со всей очевидностью вытекает, что кон-

текстом последующего анализа отношения танзанийских и замбийских студентов к европейским и южноазиатским меньшинствам должна стать фундаментальная и жизненно важная для африканских стран проблема национального единства. В самом деле, всё социокультурное «пространство» нашего анализа, от появления мигрантов из Европы и Южной Азии на территории современных Танзании и Замбии

танского). Эта основа - культура суахили с ее письменным языком, ныне - единственным официальным языком страны⁸. Благодаря этому в Танзании рост национального самосознания может проявляться преимущественно (хотя, конечно, не исключительно) на этнорасовом, а не просто этническом уровне. То, что культура и язык относительно небольшого даже сегодня прибрежного народа суахили начали

Главный корпус Университета Дар-эс-Салама.

до существования в них университетов и студентов, до проблемы сложения наций в политических образованиях, некогда созданных искусственно и насильно, напрямую связано с эпохой колониализма. Однако, как станет ясно в дальнейшем, для понимания современной ситуации не менее важно и принятие во внимание особенностей доколониального наследия народов двух уже почти полвека суверенных государств.

КУЛЬТУРА СУАХИЛИ В ТАНЗАНИИ

Необходимо отметить обстоятельство, которое, по нашему мнению, является наиболее фундаментальным и определившим результаты проведенного исследования в наибольшей мере: в противоположность Замбии, в Танзании социокультурная основа, сегодня единая для подавляющего большинства населения, начала формироваться задолго до установления колониального режима (сначала, с 1885 г., германского, а в 1919-1961/63 гг. - бри-

широко распространяться в глубь материковой части страны только в XIX в., - несомненный факт. К тому же это не всецело местная культура: она образовалась в результате глубокого синтеза местной культуры с арабской, привнесенной в средние века переселенцами с Аравийского полуострова⁹.

Однако в наши дни огромная часть афротанзанийцев, независимо от этнического происхождения и религиозной принадлежности, с гордостью причисляет себя к носителям этой культуры, воспринимая ее как автохтонную - африканскую - и не связанную с колониальным наследием, - как объединяющую людей различных местных «племен» в танзанийскую нацию поверх (но не вместо) их этнических идентичностей. В самом деле, африканцы, как правило, знают происхождение (не только этническое, но и региональное) своих друзей, со-

седей и коллег, на что обычно обращали внимание те из наших европейских и индийских собеседников в обеих странах, кто утверждал, что танзанийская или замбийская нация - фикция. Но знать - не обязательно означает ставить во главу угла. Как сказал танзанийский профессор - представитель этнорасового большинства, «мы (афротанзанийцы. - Д.Б.), в известном смысле, этнически слепы. ... Если ты хочешь потерять уважение людей, повторяй каждый раз: «Из какой ты этнической группы или региона?»

этничность актуализируется вследствие экономических и политических причин. В ходе нашего исследования 2005 г. 76,6% из 994 респондентов, принадлежавших к самым разным социальным и этническим группам, указали суахили как свой родной язык, притом, что лишь шесть человек (0,6%) определили как «суахили» свою этническую принадлежность.

Вот несколько из множества типичных высказываний на этот счет танзанийцев различного возраста и уровня образования:

Штаб-квартира основанной в 1927 г. Сингальской буддистской ассоциации Дар-эс-Салама.

В конце концов кто-нибудь решится спросить тебя: «Ну, а какая разница?»» Для афротанзанийцев культура суахили, включая язык, - исток и основа танзанийской нации; таким образом, по их убеждению, не обязанной самим своим появлением европейцам и европейскому колониализму. Принадлежность к суахилийской культурно-языковой общности является залогом в целом мирных отношений между различными бантусскими народами Танзании¹⁰, хотя некоторые наши респонденты старшего возраста, сравнивая нынешнюю ситуацию с той, что наблюдалась в первые десятилетия независимости, и утверждали, что сегодня

«Танзанийская нация существует, и она едина, потому что мы все говорим на одном и том же языке - суахили. В Танзании более 120 племен, но язык суахили объединяет нас всех...» (рабочий тридцати с небольшим лет); «Да, есть танзанийская нация. Суахили - это не этничность. Неважно, является ли танзаниец по происхождению *гого* или *лугуру*, или кем-то еще, мы объединены тем, что все говорим на языке суахили» (шофер среднего возраста); «Быть танзанийцем означает уметь говорить на суахили» (студент колледжа); «Я уверен, что единая танзанийская нация существует, потому что у нас есть общий язык - суахили» (пожилой лингвист); «Мы все говорим на суахили, мы все - братья и сестры» (англиканский священник примерно 45 лет). Хотя, действи-

тельно, как рассказывали некоторые информанты и мы могли убедиться сами, в среде социальной элиты престижным первым языком общения может быть английский, многочисленные интервью подтверждают правоту Н.В.Громовой, утверждающей, что в целом «...этнолингвистическая ситуация в Танзании характеризуется заметным преобладанием языка суахили и его использованием во всех ключевых функциях коммуникативной сферы. Языки относительно крупных этносов, таких как *сукума*, *ньямвези*, *хайя* и некоторых других, сохраняющих компактность проживания, находятся не в столь угрожающем положении, как языки мелких этносов, которые могут исчезнуть в недалеком будущем под влиянием мобильности и динамики современного языка суахили»¹¹.

Языком суахили свободно владеют не только афротанзанийцы, но и почти все потомки мигрантов извне Африки, хотя первым языком он является для немногих из них (в основном - для оманских арабов, старейшей неавтохтонной общины в стране, наиболее охотно смешивающейся с афротанзанийским большинством)¹². Как показывают наши интервью, долгая жизнь среди африканцев изменила некоторые привычки и обычаи мигрантов¹³. Кроме того, опять же судя по интервью, жизнь заставила их осознать истинность афоризма о необходимости жить по римским обычаям, если уж живешь в Риме. Наконец, несколько европейцев и индийцев отметили, что в последнее время их общины стали более открытыми для различных форм общения и сотрудничества с коренными африканцами. Однако наша собеседница, переехавшая из Индии в Танзанию недавно и потому обладающая свежим взглядом на ситуацию, нашла бы поддержку у большинства и африканцев, и неафриканцев в своей оценке, в частности, «индийской» и «танзанийской», т.е. суахилийской, культур: «Индийская культура такова и танзанийская культура такова, что даже если они и смешиваются до определенной степени, они не могут смешаться полностью, потому

что это две разные цивилизации, каждая - с долгой историей. Они (индо- и афротанзанийцы. - Д. Б.) живут, они работают вместе - они вместе, и они продолжают быть вместе, но я не думаю, что их обычаи могут когда-либо смешаться до такой степени, что образуется единая культура».

Культура суахили служит не только основой для формирования, но и средством конструирования танзанийской нации. Официальная идеология, базирующаяся на «теории уджамаа», разработанная первым президентом страны Дж.Ньерере, в немалой степени поспособствовала утверждению в сознании граждан представления о танзанийской нации не как о наследии колониализма (что, как отмечалось выше, в значительной степени так и есть, хотя именно в колониальный период язык и культура суахили распространились и утвер-

дились во всей Танганьике): «... *нация*, которая в теории уджамаа является носителем национальной культуры, передаваемой через язык суахили, в действительности есть *государство*. Таким образом, государственная идеология и национальная культура становятся синонимами; это неоправданная синонимия, которая позволяет путать “объективную” культуру суахили (историческую культуру прибрежных обществ) и “субъективную” политическую культуру суахили (т.е. [культуру] современной Танзании)...”¹⁴.

Проводимая в рамках государственной идеологии языковая политика также направлена на усиление позиций суахили как официального языка¹⁵. Дж.Ньерере настаивал на отношении к суахили как к единственному национальному языку с момента обретения страной независимости¹⁶.

Действительно, «когда речь идет о преднамеренных попытках продвижения как в формальных, так и в неформальных сферах жизни, и о создании подлинно национального и официального языка, распространение суахили среди населения Танзании после получения независимости постоянно упоминается как пример успешно спланированного внедрения африканского национального языка в полиэтничной среде. Ныне, в результате огромных усилий, прилагавшихся с 1960-х гг., суахили распространен в Танзании чрезвычайно широко и используется в сферах образования, государственного управления и межэтнического общения по всей стране»¹⁷.

(Окончание следует)

Фото автора

¹ Об истории этих общин в Танзании и Замбии см., в частности: *Don Nanjira D.D.C.* The Status of Aliens in East Africa: Asians and Europeans in Tanzania, Uganda and Kenya. N.Y., 1976; *Nagar R.* The South Asian Diaspora in Tanzania: A History Retold // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East: A Journal of Politics, Culture, Economy. 1996. Vol. 16, № 2. P. 1-19; *Voigt-Graf C.* Asian Communities in Tanzania: A Journey through Past and Present Times. Hamburg, 1998; *Macmillan H., Shapiro F.* Zion in Africa: The Jews of Zambia. L., 1999; *Lobo L.* They Came to Africa: 200 Years of the Indian Presence in Tanzania. Dar es Salaam, 2000; *Phiri B.J.* A History of Indians in Eastern Province of Zambia. Lusaka, 2000; *Idem.* Zambians of Indian Origin: A History of Their Struggle for Survival in a New Homeland. Cape Town, 2001; *Львова Э.С.* Инонациональные христианские общины Дар-эс-Салама // Мусульмане и христиане в современной Танзании: Труды участников российской экспедиции. М., 2005. С. 90-115; *Haig J.M.* From Kings Cross to Kew: Following the History of Zambia's Indian Community through British Imperial Archives // History in Africa. 2007. Vol. 34, № 1. P. 55-66; *Milner-Thornton J.* Absent White Fathers: Coloured Identity in Zambia // Burdened by Race. Coloured Identities in Southern Africa. Cape Town, 2009. P. 185-207; *Twaddle M.* East African Asians through a Hundred Years // South Asians Overseas: Migration and Ethnicity. Cambridge, 2010. P. 149-166.

² По этой причине нами не рассматривается отношение студентов к африканским меньшинствам, либо сложившимся в доколониальные времена (как оманское ядро арабской общины в Танзании), либо формирующимся в наши дни, как китайская диаспора в обеих странах.

³ *Бондаренко Д.М.* Образование и толерантность в современной Танзании: этнорасовый и конфессиональный аспекты // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.). (Отв. редакторы А.В.Коротаев и Е.Б.Деминцева). М., 2008. С. 94-121.

⁴ Между прочим, отмеченное выше игнорирование (зачастую по незнанию) африканцами факта внутренней диверсифицированности диаспор наглядно проявляется и в данном случае: не все этнические компоненты «индийской» общины вовлечены в торговлю в равной мере; в частности, в ней мало задействованы гоанцы и пенджабцы.

⁵ *Бондаренко Д.М.* Указ. соч. С. 115-117.

⁶ *Bharati A.* The Asians in East Africa: Jayhind and Uhuru. Chicago, 1972. P. 149 ff.; *Brown J.M.* Global South Asians: Introducing the Modern Diaspora. Cambridge, 2006. P. 112-148; *Усов В.А.* Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2010. С. 171-181.

⁷ *Бондаренко Д.М.* Указ. соч. С. 118-119 (прим. 3).

⁸ *Prins A.H.J.* The Swahili-speaking peoples of Zanzibar and the East African Coast: Arabs, Shirazi and Swahili. L., 1967; *Mazrui A.M., Shariff I.N.* The Swahili: Idiom and Identity of an African People. Trenton, 1994; *Middleton J.* The World of the Swahili: An African Mercantile Civilization. New Haven, 1994; *Horton M., Middleton J.* The Swahili: The Social Landscape of a Mercantile Society. Oxford - Malden, 2000; *Knappert J.* Swahili Culture. Vols. 1-2. Lewiston, 2005.

⁹ *Жуков А.А.* Культура, язык и литература суахили (доколониальный период). Л., 1983; *Hurreiz S.H.* Origins, Foundation and Evolution of Swahili Culture // Distinctive Characteristics and Common Features of African Cultural Areas South of the Sahara. P., 1985. P. 101-123; *Allen J. de V.* Swahili Origins: Swahili Culture and the Shungwaya Phenomenon. Oxf., 1993; *Whiteley W.H.* Swahili: The Rise of a National Language. Aldershot, 1993; *Horton M., Middleton J.* Op. cit.; *Middleton J.* African Merchants of the Indian Ocean: Swahili of the East African Coast. Long Grove, 2004.

¹⁰ *Герасимов А.В.* Взаимоотношения между этническими группами афротанзанийцев материковой части Танзании (Танганьика) // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании... С. 57-83.

¹¹ *Громова Н.В.* Язык суахили в современной Танзании: значение, роль, перспективы // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании... С. 92; *Yoneda N.* "Swahilization" of Ethnic Languages in Tanzania: The Case of Matengo // African Study Monographs. 2010. Vol. 31, № 3. P. 139-148.

¹² *Prins A.H.J.* Op. cit.; *Lodhi A. Y.* The Arabs in Zanzibar (From the Sultanate to the People's Republic) // Journal of Muslim Minority Affairs. 1986. Vol. 7, № 2. P. 404-418; *Коротаев А.В., Халмурина Д.А.* Арабы в Танзании // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании... С. 8-27.

¹³ *Oonk G.* The Changing Culture of the Hindu Lohana Community in East Africa // Contemporary South Asia. 2004. Vol. 13, № 1. P. 7-23.

¹⁴ *Blommaert J.* Ujamaa and Creation of the New Waswahili // Living through Languages: An African Tribute to René Dirven. Stellenbosch, 2006. P. 18.

¹⁵ *Idem.* State Ideology and Language in Tanzania. Cologne, 1999; *Topan F.* Tanzania: The Development of Swahili as a National and Official Language // Language and National Identity in Africa. Oxf., 2008. P. 252-266.

¹⁶ *Legure K.* Formal and Informal Development of the Swahili Language: Focus on Tanzania // Selected Proceedings of the 36th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, 2006. P. 176.

¹⁷ *Simpson A.* Introduction // Language and National Identity in Africa. Oxf., 2008. P. 10.